

НАДЕЖДА НЕЛИДОВА

Обратная
сторона
тарелки

Надежда Нелидова

Обратная сторона тарелки

«Издательские решения»

Нелидова Н.

Обратная сторона тарелки / Н. Нелидова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966329-0

Возможно ли, чтобы заведение с нежным названием «Фиалка» убивало людей? Можно ли после популярного телевизионного шоу угодить к психиатру? Можно ли за одну ночь возненавидеть мужчину мечты и вернуться к постылому мужу? Можно ли, можно ли... Это жизнь, детка. В ней возможно ВСЁ.

ISBN 978-5-44-966329-0

© Нелидова Н.
© Издательские решения

Содержание

ЖИЛИЧКА	6
Мутное дело	15
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Обратная сторона тарелки

Надежда Нелидова

© Надежда Нелидова, 2019

ISBN 978-5-4496-6329-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЖИЛИЧКА

Мирона на старости лет бес торкнул в ребро. Так торкнул, что сердце сначала замерло, а потом затарахтело как швейная машинка жены Раисы.

Весной у них в избе сняла комнату пианистка. От «газели» к крыльцу взволнованно метался пёстрый сарафан. Задевая за всё полями, колыхалась полупрозрачная огромная шляпа. Зеркальные очки съехали на кончик потного, в росинках, носика. Под мышкой жиличка зажимала обвисшую белую мочалку: собака.

Пёстрый сарафан заламывал стрекозиные лапки и вскрикивал, попискивал милым, насморочным голоском: «Ах, осторожно! Ах, „Каваи“!» Лакированный остов пианино дрейфовал одинокой шоколадной льдиной в зелёной траве.

– Мужик, подсобил бы! – крикнул такелажник.

– У него простата! – возмутилась жена Раиса. – Врач не разрешил тяжёлое подымать!

И вовсе ни к чему было знакомить чужих людей с тайнами Мироновой медкарты. Раиса следила с крыльца за разгрузкой вещей. Вещи были непрактичными. Плетёное кресло-качалка, лакированная крутящаяся табуреточка, рулон ковра. Книжная полка, связка тяжёлых журналов, лёгонькая сумка на колёсиках. Пианино привезли – хорошо, значит, жиличка не нарушит договор, приехала надолго – будет доход.

Вечером прибыл лысенкий настройщик. Обхаживал пианино, ставал, садился, тенькал клавишами. . . И вдруг деревню огласили напоённые торжественным гулом, непривычные для этих мест трели и рокоты. Верховодили полногрудые, звучные, женские звуки. Иногда врывалось легкомысленное щебетанье, будто сестрички сговаривались о своём, девичьем. Время от времени грозным басом вмешивался папаша. Дрожали стёкла: бам-м-м! Ба-дам!

Возившийся в ограде Мирон сначала не обращал внимания: вроде телевизор в избе включили. Однако никакого сравнения не было между телевизором и живыми, упругими звуками. Будто чистая река плескалась в берегах, перекаtywала камушки, набегала волнами.

Помнится, в дембельском альбоме Мирона, под вырезанной журнальной красоткой, каллиграфическим почерком было написано: «Спать с женщиной в презервативе – то же самое, что целоваться через стекло». Лучше не скажешь про телемузыку, которую будто поймали, заперли в плоский стеклянный ящик. Выхолостили как поросёнка.

Мирон боялся, что Раиса заворчит что-то вроде: «Ну, забухтели, завели концертину с оркестром. Тоска зелёная, в ушах звенит». Она могла и не такое брякнуть. Шла и переключала на Кадышеву или на «О боже, какой мужчина».

Но сейчас Раиса могуче выпрямилась посреди грядок с пучком укропа, и надолго задумчиво и красиво замерла. Хоть про неё пой: «Ах, какая женщина!» Вся монументально освещённая закатом «облепиховое варенье». Закат предвещал отличную погоду, правда, ветреную. Да ведь и за «фортепяну» пианистка неплохо заплатила, можно потерпеть.

У них прямо не село стало, а фестиваль классической музыки под открытым небом, будто в каком западном герцогстве или графстве. Окрестные собаки поначалу сильно взволновались и попытались внести лепту. Только белая собака пианистки привычно дремала под роялем, положив морду на лапы и помаргивая белобрсыми коровьими ресницами.

– Она глухая, шестнадцать лет. Но по вибрации помнит каждую пьесу, – уверяла жиличка.

О старости собаки можно было судить по её смирности, по желтизне шерсти. Сквозь неё пробивалась грязновато-сивая седина – как у блондинки старушки, которая плохо прокрасила корни. Оказалось, исключительно ради собаки пианистка поселилась в деревне: посоветовали собачьи доктора. Чтобы поправляла здоровье на покое, свежем воздухе, щипала травку, нюхала цветочки.

Вроде взрослые люди эти городские – а хуже маленьких, ей богу.

– Втюрился в жиличку-то? Втю-юрился, вижу, не слепая. Всё под окнами шастаешь.

Раиса швырнула под нос мужа блюдо с домашним протёртым творожком – у Мирона была язва. Раисин выпад казался настолько глупым и не соответствовал действительности, что Мирон только развёл руками. Говорят, у женщин в Раисином возрасте, в этой их непонятной бабьей паузе, напрочь сносит крышу.

Жена напомнила:

– А голая-то она на одеяле загорала, не помнишь? А ты туда-сюда, туда-сюда, будто по делу. Известно, по какому делу. Ожил, расцвёл клён-то твой опавший, клён заледенелый? – изобретательная Раиса не стеснялась в выражениях. Мироново достоинство сравнивалось то с кривым сучком, то с сухим прутиком со сморщенными ягодками, то ещё с чем непотребным, тьфу.

– А глаза-то в титешник запускал – а там срамота, глянуть не на что! – Раиса гордо колыхала пудовыми, гиревыми грудями в вырезе линиялого халата. Не могла простить мужу всё чаще приключавшихся конфузов в супружеской постели.

А что и было у Мирона с жиличкой – так это разок перекинулись словом у крыльца. Она сидела, вытянув лёгкие босые ноги на собаке. Собаке нравилось быть ковриком. Пианистка из-под стрекозиных очков наблюдала за Мироном, управлявшимся в ограде.

– Вы похожи на актёра Станислава Любшина, которого режиссёры по недоразумению всунули в крестьянскую телогрейку. Подобрали неудачную роль.

Мирон не слышал ни про какого Любшина – не любитель смотреть фильмы. Но ради такого случая ходил в библиотеку. Библиотекарша искала старые журналы и показала фото. И на артиста не похож, болезненный, в чём душа. Глаза, правда, будто с иконы, с чужого лица вырваны.

В Раису, ей богу, вселился сатана. Мирон десятой дорогой готов был обходить жиличку – да где на десяти сотках разминешься? А от музыки куда денешься? Хорошо, жена не могла видеть, что с той музыки творилось у Мирона в душе. А творилось вот что: то навалится так тяжело, что прорыху нет – и тут же легче пушинки взметнёт выше забора, выше изб, леса, села.

В подвздошной ямке что-то забирает-забирает – а потом ухнет вниз, как с горы. За рёбрами пусто, вздохнуть больно и страшно – будто высосали воздух до последнего пузырька. И тут же прохладной ладошкой проведут – так всё и затоскует.

Как это словами объяснить?!

Мирон был человек маленький, проще некуда. Но любил какую-нибудь неожиданную мысль. Прихлопывал как бабочку: попалась! Мысль-бабочка билась, щекоотливо ползала, шуршала крылышками, пытаясь выбраться на волю – а он только, посмеиваясь, ладонь бережно сжимал. Не пуцу, пока ответа не дашь!

Там же, в библиотеке, решил заодно просмотреть газеты: давно не читал. В интервью певец, объездивший полмира, сказал: «Люди, в принципе, везде одинаковые: две руки, две ноги, голова, писька». И ведь правда. Живут, женятся, рожают – как они с Раисой. По всей земле живут маленькие мироны и раисы.

Только дьяволу неймётся. Чтобы людей разгрести по кучкам и столкнуть лбами, выдумал разные штуки. Приготовил мешки, развязал один – а там несметно золотых монет. Разбросал горстями по всему свету: ползайте, люди, отымайте друг у друга! Второй мешок опрокинул – в нём тысяча языков и наречий. А ну-ка, мол, договоритесь между собой.

Из третьего мешка обильно растряса по Земле разные религии и церкви. Пускай люди тычутся, как слепые кутята, рвут на груди рубаху, чей бог самый правильный, самый настоящий.

Чего там, современные дьяволы даже высокие технологии освоили. Да хоть взять мобильную связь. Страна одна, единая, небо над ней одно, невидимые радиоволны пронизывает воздух. Так ведь и воздух ухитрились ломтями разломать.

У Раисы МТС, у двоюродной сестры Елизаветы из райцентра «Билайн». Дружные, не разлей вода, сестрички как-то принялись подсчитывать, кто больше тратит на переговоры. Слово за слово – разругались в прах. И через смс-ки друг друга облаяли, и в чёрный список навечно внесли, и мужьям и детям наказали: чтоб на похороны не пускать.

Смех и грех. Прямо «Как поссорились Раиса Ивановна с Елизаветой Никифоровной».

И только музыка... И только музыка была от бога. Конечно, если иметь в виду не барабан людоедского племени Мумбо-юмбо, и не Натали с её «О боже, какой мужчина».

Музыке не надо никакого толмача, каждого без слов проймёт до сердца. Маленькая пианистка казалась пришлицей, будто её родила не живая женщина, не тёплая, пахнущая морковью чёрная земля. Однажды жиличка прошла близко к Мирону, не замечая его.

– Как вы не понимаете? – с отчаянием говорила она кому-то в телефон. – Да ведь это так же бестактно и цинично, как... Как на еврейском празднике исполнить «Маленький цветок».

Мирон ничего не понял. При чём еврейский праздник, какой такой «Маленький цветок»?

Раиса, как дурная кобыла, всхрапывая, неслась по кочкам. Кнутом бы вытянуть по широкому крупу взбесившуюся бабу – да Мирон в жизни её пальцем не тронул. Мудрая-то жена сор из избы не вынесет, ничего *такого* о мужике не только не расскажет, а, напротив, спрячет глубже. Тем более, и не было ничего *такого*, одна глупая игра воображения в Раисином мозгу.

На улицах в кучке соседок она кивала на свой дом:

– Мой-то... Гляди, внуки растут – а он за этой... Трётся, зыркает. Было бы на что. Страшна как смерть. Собака – и та на кости не бросается.

Хитрые соседки, злокачественные сплетницы, в лицо сочувствовали, качали головами, возмущались, ловко вытягивали из Раисы подозрения. А за спиной сорочьи стрекотали, смеялись над ней же.

Мирон, в знак протеста, пробовал пить. Но, как говорится, хватало, чтоб растревожиться, но не хватало, чтобы успокоиться.

А ведь по жизни Раиса была совсем не дура. В далёкой молодости она глянула Мирону женской статью (на голову его выше), весёлым нравом, матрёшкиной чернобровостью, пышущим румянцем.

До сих пор помнит: ехал на работу в маршрутном автобусе. Хмарь, глаза бы никого не видели. Сентябрьские мутные потоки льют по окошкам, от пассажиров воняет мокрой псиной. Все в салоне нахохлившись, понурые, качаются сырыми тряпочками под поручнями.

А на одной остановке дверь распаивается и смело лезет блестящий от дождя, огромный, нестерпимо яркий и полосатый, как пляжный зонт. А за ним деваха: крупная, круглая, крепкая, в плаще «болонья». И никак тот зонт не желает складываться, что страшно смешит пассажирку. Прямо солнышко в автобус вкатилось. Крикнула:

– Эй, чего такие дохлые? Хоть бы кто обсушил, обогрел, – и ткнула в бок Мирона – он оказался ближе всех.

Тут же несколько мужчин выразило большое желание согреть красавицу – да Мирон первым очухался, шутя охватил смеющуюся соседку за талию. Талия была богатая – руки не хватало. Никому не отдам! И не отдал.

Что она в нём нашла – удивительно. Такая ведь только подмигни – любой зажмурившись пойдёт. А ей только Миرونушка нужен.

И правильно: зажмурившийся-то молодец глаза утром продёрёт, в штаны впрыгнет – и дёру, чтоб не захомутали. А у Мирона серьёзные намерения: штамп в паспорте, свадьба в районной столовке, гладкое золотое кольцо. Хотите верьте, хотите нет – тогда государство обручальные кольца молодожёнам выдавало бесплатно. Холостяцкая квартира своя, от ЖЭКа – он сантехником работал.

Жестоко страдающий с похмелья бригадир каждое утро хмуро инструктировал: «Носки у всех точно не дырявые? Чистые, постиранные? Смотрите мне. А то хозяйки жалуются: квартиру после вас не выветришь. И чтобы мне выразаться культурно. За мат буду лишать премиальных».

Чистить трубы в прежнее время было легче. Тогда квартиросъёмщик ещё не был сильно грамотен, не знал про жир-убийцу и холестериновые бляшки. Это нынче хозяйки вычерпывают шумовками жир, сливают первый наваристый бульон – и всё куда? В канализацию! Сало, крупитчатая шуга забивает трубы – сантехник замучается чистить.

Вот говорите: сантехник. А это ещё посмотреть, кто важнее: простой сантехник-водопроводчик или начальник? Мирон в отпуск выйдет – его десять раз разыщут, вызовут на аварийные ситуации, оплатят такси. «Миرونушка, выручи, без тебя как без рук!».

А начальник по полгода прохлаждается на курортах и липовых больничных – его и в глаза забудут, как выглядит. Пузатый ноль без палочки, пшик – вот и весь начальник.

Сантехник нигде не пропадёт: при любом строе, хоть при коммунистах, хоть при буржуях, жильцы будут выделять дерьмо – выражаясь культурно, продукты жизнедеятельности.

А вот жену в перестройку сократили, она работала поварихой в саду. Садики тогда пустели и проваливались в демографические воронки один за другим. Сунулась в рестораны, кафе – общепитовские и развлекательные точки – тоже едва держались на плаву. Тёмные улицы были пусты и опасны, народ сидел по домам за решётками и крепкими засовами, уткнувшись в «Дикую Розу».

Ну, да Раиса тоже не из таковских, кто лапки кверху. Покупала ножки Буша, вымачивала в специях, шпиговала чесноком. Для глянцевого румянца обжаривала в сахаре, в апельсиновой тёртой шкурке.

Утром переминалась у заводской проходной. В руках – лоток, крытый чистым полотенцем. Мало кто из работяг мог устоять перед фольговым рожком, из которого зазывно торчал благоухающий, поджаристый, в прозрачном кружевце из застывшего желеобразного жирка окорочок.

Днём торговля бойко шла в центре: горячая домашняя курятинка пользовалась спросом у офисного люда. Вечером Раиса выходила на перрон к проходящим поездам: тоже рвали из рук.

Так расторговалась – купила сыну и дочери по городской квартире. Сейчас-то лавочку прикрыли. Ешьте, люди добрые, добела вываренную, мертвенную магазинную гриль-птицу!

У жилички умерла собака. Перестала вставать, хотя пила и ела с жадностью. Все дела делала под себя, не успевали менять памперсы, пелёнки и одноразовые матрасики. Хорошо, дело было летом – Раиса бы не потерпела в доме грязи и безобразия.

Районного ветеринара вызывали бессчётное количество раз. Мял голое розовое пузо, выслушивал курчавую седую грудь, делал укол. Лупил с жилички кучу денег. Потом, видно, заговорила совесть. Скорбно склонив голову, сказал, что жадный аппетит и неразборчивость

в еде – не более чем угасающий старушечий рефлекс, и надо бы собачку усыпить, чтобы не мучилась.

Всяких – разных смертей на своём веку Мирон повидал. Их бригада коммунальщиков в микрорайоне являлась как бы похоронной командой, бюро ритуальных услуг. Дети хоронили отцов, матери детей, братья сестёр. По-разному себя вели: каменели, рыдали, бились в истерике.

А вот такого горя, да ещё по собаке, Мирон не помнил. На обычных-то похоронах можно чувства на волю отпустить и разделить с людьми, облегчить душу: поймут, пособолезнуют. А в деревне кто пожалеет хозяйку старой собаки? Посмеются только.

– Вы поможете? – голосок у жилички был выплаканный, слабенький. Как всегда, глаза спрятаны за стрекозьими гранёными стёклами. – Я заплачу.

Лицо вытянутое, бледненькое и даже с синевой, как меловая побелка для садовых деревьев. Вот до чего себя довела.

Мирон прикатил садовую тачку, сполоснул, высушил. Жиличка устлала её дорогим шёлковым покрывалом – на него давно поглядывала Раиса и прикидывала, за сколько квартирантка уступит. Собака, как все покойники, оказалась тяжёлой, да ещё и раскормила её хозяйка.

Они, нагнувшись, взялись за шёлковые напрягшиеся углы. Ещё никогда их дыхание не пересекалось, ни разу они не были так близки. На жиличке было чёрное мерцающее концертное платье. Сильно открытое, лямки спадали с костлявых плечиков. Видно, ничего более подходящего для траура не нашлось.

Его накалившиеся на солнце, корявые, загорелые до черноты руки будто нечаянно, жарко касались её прохладных голубоватых рук. Прямо перед глазами (блудливыми – подсказала бы Раиса), в глубоком вырезе болтались и стлкаялись, как языки колокольчиков, вялые нежные грудки с бледно-розовыми горошинами сосков. Только руку протяни, запусти вглубь, сграбастай в кулак, сожми, чтобы вскрикнула от боли. Грубо сдёрни лямки до пояса и ниже – и ртом прилипни и мни всё, что под губы попадётся... Мирон испугался, что жиличка заметит неприлично, морковкой встопорщившийся гульфик его рабочих штанов...

Погромыхали за огородами, чтобы не привлекать внимания к маленькой траурной процессии. Ладно, жиличка сообразила под вечернее платье надеть не тупельки на шпильках, а спортивные белые калошки.

Недалеко за деревней на взгорке, в сухом месте, Мирон копал под берёзой яму метр на метр. Жиличка, откинув покрывало, по-бабьи качалась над собакой туда и сюда. Гладила, что-то шептала в лохматое ухо. Послушно раскрошила и посыпала шёлковый кокон сухим комочком глины. Когда Мирон бросил последнюю лопату, легла на влажно темнеющий четырёхугольник, охватила лёгкими руками – и замерла.

Мирон посидел, деликатно пожевал пряную травинку. Поняв, что это надолго, сходил к реке, искупался. Надёргал большой пук ромашек, колокольчиков, ещё какой-то растительности. Уложил на могиле. Жиличка лежала в той же позе. На защекотавшие её тёплые, нагретые солнцем стебли не отреагировала.

Вечерело, закатывалось солнышко. В душе шевелилось беспокойное, нехорошее чувство из-за Раисы. Она с утра уехала в город к детям, но соседки-трёхглазки – они такие: два глаза по хозяйству, а третий шныряет по улице. Всё доложат Раисе и ещё от себя добавят.

Несмело погладил жиличку по голой спине, по нежной перламутровой цепке позвонков: «Ну, ну». Осторожно перевернул. Ямка, где лежало лицо – хоть землю выжимай. Всхлипнула, вцепилась в Мирона: будто неведомая рука тащила её в могилу – и только Мирон мог спасти, не пустить в сырую землю.

Непривычная тишина повисла над деревней. Только через неделю Мирон, возясь в стайке с курами, услышал из избы вскрикнувший, стонущий звук. Звук точно прислушался сам к себе, испугался – и долго потом дрожал, растворяясь, тая в сумерках, угасая в вечернем воздухе.

И снова – вскрик-стон той же клавиши. Несмело, запинаясь и замирая, будто в первый раз, пальчики сыграли что-то коротенькое. Как маленький ребёнок жалобно, безутешно всплакнул и, не дождавшись мамки, утих.

В августе пошли дожди. Во дворе стояла та же «газель» под тентом. Бегали мужики в дождевиках, шуршали полиэтиленом, укутывая шоколадное тело пианино. Жиличка высунулась из кабины, окликнула Мирона:

– Пожалуйста... Ухаживайте за могилкой, – сунула в руку трубочку купюр. Хотел вернуть – пальцы отпрянули, будто от ожога, сиротливо спряталась под длинным вязаным рукавом.

Раиса, честь по чести, требовала с жилички неустойку за то, что съезжала раньше оговорённого времени. Мирон надеялся: хоть теперь взбеленившаяся супруга успокоится. Но дни тащились до воя одинаково: с утра жена вставала угрюмая, цеплялась к какой-нибудь ерунде. Ворчание перетекало в упрёки, упрёки – в причитания, причитания – в слёзы и даже в аккуратное, избранное швыряние не бьющейся посуды.

Истово, болезненно выпытывала у Мирона: как у них с Жиличкой *всё* было. Обещала, подбоченившись: она, Раиса, в постели тоже способная, и не такие фортели выкинет. Требовала деталей. Не слыша их от Мирона, фантазировала сама – да в таких похабных словах, сопровождаемых срамными телодвижениями... Сама ужасалась себе, рыдала, проклинала. Она ревновала Мирона тяжело, грубо, грязно, по-мужски.

– Ничего же не было! – в отчаянии отбивался Мирон. Голос звучал тонко и фальшиво, как у нашкодившего пацанёнка. В очередной раз Раиса, обозвав мужа импотентом, со всей силы брякнула перед ним чашку с жиденькой кашкой. Тёплая овсяная капля повисла на мироновом носу.

Он утёрся, подумал. Встал и полез на полати за старым, ещё фанерным чемоданом. Раиса молча смотрела, как он бросает в чемодан бельишко, запасной свитер, мыльно-рыльные принадлежности. Выгреб из верхнего ящика комода несколько сторублёвок и одну пятисотенную.

– Ехай! Ехай к своей, думаешь, не знаю?! Снюхались, сговорились! Да тритесь, долбитесь вы досыта: хоть вверх ногами, хоть до дыр! – выкрикнула Раиса вслед. Рухнула где стояла и завывала как по покойнику, в утеху соседкам.

В трёхкомнатной квартире сына Мирон только и делал, что ходил в носках на цыпочках за всеми и всюду тушил свет. Эти молодые совсем не берегут электричество! В каждой комнате по три-четыре настенных и напольных светильника, не считая весёлой иллюминации под потолком. И лампочки всё мощные, на 150 ватт. Глаза после избяной полутьмы с непривычки резало.

– Папа, вы зачем выключили бра в ванной? Я там за вечер сто раз бываю, – это недовольная сноха. Но про неожиданный приезд свёкра – молчок. Городская, воспитанная.

Сыну Раиса звонила каждый вечер, удалённо контролировала Мирона. Сын переходил на энергичный полужёпот и уходил в кухню, закрывая за собой дверь. Тоже стал городской, деликатный. Отцу выговаривал:

– Пап, ну ты какой-то... Всю жизнь со втянутой головой прожил. Как пыльным мешком из-за угла напуганный. Нельзя же так. Выпрямись, стань человеком.

Заполотно собирали внука Лёничку в школу, как на ядерную войну. По телевизору дяди и тётки за круглым столом с серьёзными, встревоженными лицами обсуждали тему: «Как помочь ребёнку пережить синдром 1 сентября?»

А в мироновом-то детстве это был – запах тяжёлых мокрых георгинов в палисаднике (маленький Мироша отбивался от букета: «Я не девчонка!»). Скрипучие башмаки и новенький пенал, и тугие пахучие учебники, и жёсткая и горячая из-под утюга рубаха... Праздник для ребятшек и родителей. А нынче 1 сентября, оказывается, опасный синдром – и на борьбу с ним надо бросить все педагогические и родительские силы.

Гости и рыба начинают пованивать на третий день. Мирон чувствовал, что загостился. Неловко сварил один раз щи. Ел, жмурясь и причмокивая от удовольствия, один только сын: щи напомнили ему детство. Внук едва понюхал, а сноха незаметно вылила свою тарелку в унитаз.

– Люди холопского звания

Сущие псы иногда.

Чем тяжелей наказание,

Тем им милей господа...

Мирон в кухне мыл посуду. От услышанного выронил с грохотом в раковину кастрюлю. Влетел в комнату, где внук учил уроки.

– Ты откуда таких слов набрался?! А услышит кто? В школе хоть не вздумай такую крамолу читать – родителей затаскают.

– Деда, это же Некрасов. «Кому на Руси жить хорошо», – Лёничка тянул учебник. – Нам задали любой отрывок выучить, я этот выбрал.

Мирон недоверчиво листнул книжку: правда, Некрасов. Сам когда-то учил – и ничего. А нынче говори да оглядывайся, ещё ребёнка в экстремисты запишут.

Да и название какое... с подтекстом, с провокацией. С ехидцей. Кому, дескать, на Руси жить хорошо? Лодку раскачивают, всё верно газеты пишут.

На всякий случай посоветовал:

– Ты вот что, Лёничка... Другой отрывок возьми. Про Мороза-воеводу, который дозором владенья свои... (а, чёрт: владенья. Знаем, мол, какого воеводу имеешь в виду).

– Лучше эту, – Мирон откашлялся:

– Есть женщины в русских селеньях...

Как его... Ту-ру-ту-ру-ру-рут...

Коня на скаку останоят,

В горящую избу войдут...

Сразу на ум пришла Раиса. Да что за напасть?!

Адреса у Мирона не было. Вернее, он был: в голове, простой, коротенький, и не так далеко от сына. Водитель «газели» тогда уточнял вслух.

В одной руке Мирон нёс чемодан, в другой – малость увядший букет. Не сам купил, денег оставалось впритык. Вчера на работе подарили снохе, и цветы ночь простояли в вазе. С кружевного целлофана капала желтоватая вода и мочила манжет пиджака.

Уже на улице знакомо играло пианино, и чем ближе подходил к дому – тем громче и залиvistее. Поднимался по истёртой каменной лестнице – от рулад закладывало уши, колотилось сердце. А когда на звонок открылась дверь – оглушила тишина. Не было никакой музыки, она играла у него в памяти.

– Вы? Что-то случилось? С могилой?!

Мирон ассоциировался у неё с собакой и ни с чем, кроме собаки. Только сейчас сообразил: на что он вообще рассчитывал, идя сюда? Чего вообразил, воздвиг в своей глупой башке? Никакого дела жиличке не было до неказистого деревенского мужичка с его хабалистой, ненормальной женой. Он помогал хоронить собаку – не более того. А что на минутку на шею тогда бросилась – так от понятной слабости.

Удивилась цветам, пожалала плечами:

– Проходите...

Очки у неё уже были не зеркальные, а дымчатые. Летом прятала глаза от солнца, а сейчас от кого? От людей? От самой себя? На ней была коротенькая бумазейная пижамка, как на Лёнечке.

Всё так же недоумённо – даже в спине читалась насторожённость – провела его в чистую пустоватую комнату и усадила на диван, рядом со старым знакомым – пианино. Ушла в кухню, звякала там чем-то нежным, хрупким.

Миرونу в зад упиралась пружина. Приподнял ложе, заглянул в диванное хозяйство. Ну, едрит твою, тяп-ляп, мастера-ломастеры. Руки бы выдернуть и в то самое место воткнуть.

Покидая избу, Мирон машинально кинул в чемодан свёрток с инструментом (у сына тоже нашлось что подлатать-подремонтировать). Когда пианистка выглянула – он уже развернул тряпичные кармашки и, лёжа на боку, ковырялся в мебельных внутренностях.

– Хозяйка, тряпочку бы – руки вытереть. На раз-два сойдёт. А по-настоящему – и ножки нужно менять.

Пошёл мыть руки. Из-под гусака смесителя ударила и обварила кисть кривая струя кипятка. Ванная протекала, проржавела и была предусмотрительно всюду обложена тряпками.

Чего ни коснись в квартире – без мужской руки всё болталось, перекашивалось, отваливалось, находилось на последнем издыхании и вопияло о помощи. Только к девяти вечера Мирон добрался до кухни. На крохотном раздвижном столе, среди кукольной посуды, стояли его цветы в хрустальной вазе и красивая чёрная бутылка с вином.

Вы не представляете, что может сделать с непьющими голодными людьми крепкое вино, да ещё под микроскопическую закуску. То, что касалось недостижимым, неразрешимым, мучительным, постыдным, невозможным – разрешилось и случилось легко, само собой. Руки, протягиваемые то за кусочком хлеба, то за ломтиком ветчины, сталкивались и касались друг друга всё чаще и целенаправленней. Слиянье рук, слиянье губ, души слиянье – жаль, Мирон не интересовался поэзией.

И с какой величайшей нежностью заламывал он слабые податливые руки, ладонями сжимал хрустнувшие скорлупки лопаток. Как властвовал в мягких прохладных, как два увядших лепестка, губах. Она до неприличия жадно отвечала поцелуям! Это было странно и нереально, как если бы на признания в любви ему откликнулись травинка, цветок или птичка.

В этот вечер они окончательно сломали диван, подкосив все четыре ножки. Пианистка опьянела, ослабела, плакала, смеялась, то отталкивала его, то привлекала, охватив голову. Набирала неверной рукой в телефоне номера. Изнемогая, лепетала заплетавшимся, милым насморочным голоском в трубку:

– Поздравьте, друзья мои, я выхожу замуж! Да, вы не ослышались: замуж! Свадьба? Мирончик, когда у нас свадьба?

– Мама, позови папу и включи громкую связь! Я выхожу замуж! О, это удивительный, милый человек! Мама, как я счастлива, но отчего мне хочется плакать?! Какая бабушкина фата, какое фамильное кольцо, мама, о чём ты? Ну, хорошо, привези. Вот, лучше поговорите с ним. У него удивительное, прекрасное имя: Мирон.

Почти до утра длились визиты, дверь не закрывалась. На пороге возникали душистые женщины и бородатые мужчины. Из прихожей слышалось пенное шипение шампанского и деликатное бульканье водки. Восклицания, объятия, поздравления, рукопожатия. И все находили сходство Мирона с актёром Любшиным.

Пианино дымилось, играя без устали: от знакомых Миرونу (в клубе ребяташки баловались) канкана и собачьего вальса – до каких-то сложных, в четыре руки, наигрышей. Под них по очереди завывали бородатые мужчины и заливались соловьями надушенные женщины.

Кажется, потом была мигалка во дворе, полиция, соседи...

Утром Мирон открыл глаза от того, что мёрзла спина, от спазмов и бурчания в животе. Желудок бунтовал после вчерашней оргии и требовал тёплой, обволакивающей, свежесваренной каши. Комната вокруг, что называется, была верх дном.

Не было рядом большой и горячей, как печь, Раисы. Вместо неё спала женщина. Худая шея мучительно вытянута и рот открыт, как у птицы. Желтоватая кожа, морщины. На вид все пятьдесят. Обычная, слабая на мужиков баба, как все.

Мирон осторожно вытянул руку из-под чужих жёстких, как парик, волос. Скосил глаз на часы. Полвосьмого. До автобуса минут сорок, успеет.

В автобусе ехало много сельчан, расспрашивали, как сын, внуки. Орало авторадие. И вдруг заткнулось, и поплыла мелодия: сладкая, томная, наивно-бесстыдная и завораживающая. Шум в автобусе умолк.

Это был «Маленький цветок»: ни в чём не виновный, проклятый, не подозревающий, что навсегда отравлен, пропитан благоуханием сладковатой смерти и горелого человеческого мяса.

Мирон, конечно, этого не знал. Но вдруг взял чемодан и стал пробиваться к дверям.

– Высади, – велел он шофёру. – Тут, на развилке.

Шофёр хотел сказать, что нечего тут командовать, остановок по требованию не полагается. Но посмотрел на лицо Мирона – и притормозил.

Мирон учится варить слизистые каши и откидывать домашний творог. А также гладить рубашки и завязывать галстук в концерт. Когда пианистка играет, он холодеет и сам себе не верит, что сегодня ночью будет снова ею обладать. Тихонько горделиво оглядывается на зрителей – и понимает, что никто бы ему тоже не поверил.

Летом она попросила его провести могилу собаки. Просто свинством с его стороны было не зайти к Раисе. Без хозяина тут забор завалился, там у стайки крыша прохудилась. Поневоле пришлось на месяц задержаться в селе. С тех пор так и живёт на два дома: месяц тут – месяц там. И никому не обидно.

...Такой чудный сон снится Мирону, привалившемуся к большой, горячей как печь, Раисы.

Жиличка приезжала летом на собачью могилу. Идя мимо Мироновой избы, замедлила шаг. Раиса пряталась за шторой.

– Твоя, – с непонятным удовлетворением сообщила она мужу. Это был единственный раз, когда она упомянула жиличку после того сумасбродного побега в город. С той поры как отрезало, вот как бочку пробкой заткнуло.

Мутное дело

Свадьба: не разухабистая, в ресторане – а скромная, домашняя. Собрались самые близкие. Она сама так захотела.

В соседней комнате накрыты столы. Ждут только её. А она, Верочка, всё не покидает спальню: всё готовится, мучительно ищет и не может найти что-то очень, очень для неё важное. Досадует на себя, рассеянно выдвигает и задвигает ящички шкафов... Прижимает тонкие пальчики к вискам: не то, ах не то.

Понятливые гости сидят тихо, терпеливо. Столовыми приборами не брякают, переговариваются шёпотом. Подтягиваются опоздавшие – не звонят, а деликатно стучат в дверь.

Верочка вдевает в уши любимые длинные серьги с жемчугом. Но как же так: ведь нельзя невестам надевать серьги!

Всё в невесте должно быть нетронутым, девственно – даже уши чтобы не проткнуты. А если до того были проколоты – целомудренно закрыть дырочки клипсами. Не то не избежать пересудов и шёпотков между гостей. Тем более жемчуг: светлый, как девичья слеза.

Вынимает из коробки ни разу не надёванные, твёрдые как дерево, ужасно неудобные лакированные туфли – жмут пальцы. Странно, что ж она в магазине не примерила? Поправляет веночек из слегка увядших белых лилий на голове. Одёргивает невестино, белое как снег, кисейное платье – почему-то мягкое. Куда мама-то смотрела? Опускает невесомую, как облачко, фату.

Наконец, выходит и садится, как положено, стыдливо потупив голову, во главе стола. Долго сидит, а стул-то рядом пустой! Жениха-то нет! Гости кушают: кисель, блины, лапша, водка. Пьют не чокаясь, и все женщины в чёрном. Мама опухшая от слёз – все мамы на дочкиных свадьбах плачут...

И тут Верочка понимает: Смерть – её жених! За Смерть её замуж выдают, потому и стул пустой! И просыпается.

– Мама, я умру?!

– Что ты, дочушка, даже мыслей таких не допускай! Всё будет хорошо. Сейчас позову доктора. И сестру: поменяет капельницу.

Верочка у нас занемогла с неделю назад. Апатия, сонливость, слабость – хоть плачь. Возили к знакомому доктору – сказал, обычные девичьи заморочки. Прописал общеукрепляющие, витамины.

Муж тут же сгонял в аптеку. Вообще-то он мне второй муж, Верочке не родной отец. Но привязался, любит всей душой: своих-то у него нет.

А три дня назад Верочке стало хуже. Приключились рвота, диарея, заболело горло как при ангине. Ломало косточки, раскалывалась голова.

Похоже на пищевое отравление. Ничего удивительного: нынче большая редкость найти не то, что качественные – просто безопасные продукты. Про общепит вообще умолчим: ужас, ужас!

Носила бы в судочке домашнее – я всегда приготовлю. Так нет, моду взяли всем девичьим офисом бегать в кафешку напротив. Кофе, пирожки, бутерброды, кулинарные усипусечки.

– Но отравилась только ваша дочь? – безжалостно уточнила следователь. – Другие не пострадали?

Объясню, почему подключилось следствие: врачи заподозрили у Верочки отравление сильнодействующим токсическим веществом.

Вот тоже со следователем «повезло». Не следователь, а недоразумение. Деревенская белобрысая деваха: чурбачок на двух чурках, 90х90х90. Всё-таки работа в мужском коллективе накладывает отпечаток, огрубляет, омужичивает.

Синяя полицейская юбка укорочена по самое пристигосподи, до трусиков. Губы вздутые, накачанные гелем – такие сейчас уж и не носят. Ресницы толсто начернены, как щётки. Да не зубные щётки, а те, которые для башмаков.

Всё с ней понятно. Приехала девка в город, огляделась. Сначала страшно изумилась, потом спохватилась и бросилась нагонять и соответствовать.

Так вот, вместо того чтобы с утра вскинуться и немедленно заняться нашим делом, по горячим следам проводить следственные действия – эта красавица перед зеркалом тщательно чернила и наращивала растительность на веках. Так и вижу её: от старательности вытягивая губы трубочки, посапывая толстым носом. Теряла драгоценные минуты.

Хотя нет у меня веры к этим так называемым следственным действиям. Это только в сериалах детективы усердно ползают с прозрачными пакетиками и пинцетами, в поисках ногтя и волосинки. У нас за самими сыщиками глаза да глаз. Как говорится, потом, на всякий случай, проверь серебряные ложки. После ничего не докажешь.

Но то, что сказала белобрысая, быстро отвлекло меня от внутренних издёвочек и переключило на другие мысли, растерянно и лихорадочно, *роем* завертевшиеся в голове.

– Что? У Верочки в квартире?! Ртуть?!

С этой минуты я мгновенно смирилась с тем, как выглядит следователь. Вернее, мне стало глубоко плевать, как она выглядит.

Я даже почувствовала к следовательнице подобие уважения и симпатии: ведь это она не поленилась отогнуть ковёр, наклониться и обнаружить блеснувшее жидкое серебро между половиц. Она, залезши под софу в своей задравшейся юбке, обычной шариковой ручкой подцепила и выкатила из пыли и паутины несколько неподатливых мягких шариков. И укоризненно посмотрела на напарника, посвистывавшего и игриво покручивавшего на пальце найденный прозрачный Верочкин лифчик.

Когда дочь вселялась в новую квартиру, я прибиралась, но на скорую руку. Махнула тряпкой, бросила на пол большой пушистый ковёр – до генеральной уборки, а там и до большого ремонта. Но точно помню: ничего между половиц не блестело, я бы заметила.

Да, мы торопились с покупкой квартиры и схватили эту старую хрущёвскую двушку: с сильно рассохшимися половицами и отошедшими на полтора сантиметра плитусами.

Зато дёшево. В центре города тихий зелёный район, можно сказать, кусочек парка. Птицы на рассвете распевают как в лесу, соседки – божьи одуванчики. Для Верочки это важно: она нервная натура, утончённая девочка, вся как натянутая струнка.

Мы с мужем пришли и сели в кабинетике у следователя: таком крошечном, что для дизайнера только фаянсового горшка и бачка с рычажком не хватало.

Позвонил токсиколог из лаборатории. Анализ крови показал: действительно, Верочку отравили ртутью!

– Отравили или сама отравилась? – следователь тяжело наморщила лоб под белобрысыми кудельками «мокрой» химии. – Сами же говорите: нервная особа. Знаете, сейчас мода у молодых: захиреть эдак томно и красиво. Или не до конца, чтобы только поугагать. Даже группы в соцсетях есть.

Ничего себе красиво: блюя и понося...

– Были ли до этого случая, – спрашивает следователь (её, кстати, Нюся зовут), – у вашей дочки суицидальные мысли? Переживала ли она стрессы и душевные потрясения?

Господи, да вся современная жизнь для человека – сплошной стресс и душевное потрясение. Но я подумала и твёрдо говорю:

– Нет, спросите хоть у офисных подружек. Они всем отделом в Тунис собирались, а инициатором была Верочка. Суетилась больше всех, бегала, хлопотала. Тормошила всех, на уши ставила, обзванивала турагентства.

– Всякое бывает. Бывает, человек, задумавший *уход*, испытывает болезненный восторг, экстаз, нездоровое возбуждение.

– Вот вы женщина, – говорю (а сама её критическим взглядом меряю и думаю: «Что сомнительно»). – Станет женщина перед самоубийством бегать по магазинам, примерять купальники, и шить сарафаны и платья из лёгкой ситца? Полагая, что всё это будет носиться?

Следователь Нюся пожалала толстыми плечами под тугим синим кителем. На прощание протянула визитку с номерами телефонов. Подумала и добавила:

– Запишите и мой «домашний» сотовый. Вообще, он для внутреннего пользования. Я никому не даю, но если что – звоните.

Я благодарно закивала, начала вбивать номер. А муж, после того как я утопила свой телефон в унитазе, не доверяет мобильным. На всякий случай продублировал в бумажном варианте: у него в борсетке вечно заваливаются всякие листочки. Он у меня цеховой изобретатель-рационализатор. Идеи приходят в самый неожиданный момент, всегда под рукой должна быть бумага.

И всё-таки, втайне от меня (я потом узнала), Нюся назначила нашей дочери психиатрическую экспертизу. Которая и показала: Верочка, хоть и нервная особа, но страстно хочет жить. И даже сейчас, с мятым лицом цвета солёного огурца, в полубреду сокрушается, что подружки без неё уехали в Тунис.

– Что же вы, гражданка, не сказали, что дочка ваша на днях всё же перенесла душевное потрясение? – упрямо гнёт своё следователь Нюся на следующей встрече. – Что накануне она рассталась с молодым человеком, с которым планировали свадьбу?

Ой, держите меня за руки – за ноги, тошнёхонько мне! Это, может, для молодого человека было потрясение. А мы с Верочкой разве что ногами не перекрестились, избавившись от такого сокровища.

Ни кола ни двора, из глухой деревни, а амбиций – на хромой козе не объедешь. Это с ним Верочка сначала собиралась в Тунис, потому что в Хорватию и Грецию она его уже свозила – за свой счёт. А он вместо спасибо только ныл и портил всем настроение.

Труссы для бассейна не той конфигурации и расцветки, в овсянке попадают не очищенные хлопья, кефир не от сегодняшнего числа, на фрукты аллергия, протеиновые коктейли не того производителя...

В номере встанет перед зеркалом и часами вглядывается в своё отражение. Маникюрными ножничками чикает под носом, подрезает-выщипывает невидимые волоски. Или разделается до трусов и любит себя своими мышцами. Надувает их, выпячивает, играет, дёргает, перекатывает ими под кожей: смотреть противно.

Втирает автозагар, масла и кремы. Он их навёз полный чемодан и забил ими ванну в гостиничном номере – Верочке негде шампунь приткнуть. Нарцисс, качок хренов.

Если хотите знать, культуризм у мужчин – то же самое, что анорексия у женщин. Только наоборот, вывернуто наизнанку. В смысле, та же психическая болезнь, лечится тяжело и долго.

Там – вялые бледные покровы и торчащие кости, а здесь – натянута блестящая кожа и подвижные кубики. А суть одна.

– Так, так, – заподозрила Нюся. У неё работа такая – подозревать, ей за это деньги платят. – Значит, расставание для молодого человека было – удар и потрясение? И как он? Буйно реагировал, ревновал, угрожал?

– Точно! – осенило меня. – Вот сволочь, от него всего можно ожидать. Хотя... Все эти качки такие бабы, плаксы и трусы. Чуть что – в слёзы, в визг, в истерику. Капризничают, ножками топают, кулачками разбрасывают. У нашего женишка даже для подлости решимости не хватило бы.

Упрямая Нюся всё-таки отработала озвученную версию. Со стороны несостоявшегося жениха оказалось – железное, стопроцентное алиби. Он уезжал из города на месяц – тому куча свидетелей и железнодорожный плацкартный квиток. А ещё автобусный билет до родной деревни Выпуково. Вот тебе, получай вместо Анталы, Бриони и Санторини.

Пока мы с припозднившейся Нюсей сидели, в кабинете потемнело. Сползлись грозовые тучи, погромыхивало.

Когда вместе вышли из следственного отдела и охранник захлопнул за нами дверь – хлынул ливень, да какой. Толстые ледяные струи воды просто вколачивало в асфальт.

Я кинула взгляд на Нюсины потрескавшиеся босоножки сорок третьего размера: не добежит девка до троллейбуса – раскиснут, развалятся. Пригласила в свой стоявший на парковке «хендай». Везти пришлось к чёрту на кулички, на окраину города: Нюся жила в частном секторе.

Разбрызгивая лужи, она неслась к своей избушке, прижимая к груди папку с делами: не успела, взяла домой поработать. А я семенила рядом и угодливо держала над ней зонтик, как секьюрити над Путиным: чтобы дела не подмочило. Кому они нужны, подмоченные-то дела?

Вбежали под навес, переглянулись, расхохотались. Отряхнулись как кошки, потрясли лапками. Нюся предложила зайти, попить горячего чаю – а мне стало любопытно, как живут нынешние следовательницы.

Ничего, я вам скажу, хорошо живут, зажиточно. Это снаружи халупа – а в прихожей, смотрю, урчит громадный красный морозильник. На журнальном столике ноутбук последней модели. Домашний кинотеатр, софа кожаная натуральная, кресло роскошное, под старину. Хрустальная пятирожковая люстра.

Но не чувствуется хлопотливой женской руки: неуютно, как на вокзале или в цыганском таборе. Громоздятся какие-то не распакованные коробки, по углам кучи тряпок, на одной спит кошка. И на всём лежит толстый слой пыли. Только на заваленном папками журнальном столике, где находится ноутбук, пространство вытерто локтями до блеска.

– Некогда, ни до чего руки не доходят. Накупила барахла, – Нюся небрежно пнула коробку, – а куда мне оно? Семьи нет. Живу одна с кошкой Сонькой. Маму в прошлом году похоронила. Это она мне всё в уши жужжала: «Не жалею, Нюська, на вещи. Деньгам не верь – деньги пшик, дым, бумажки». Привыкла жить при дефиците, две реформы пережила.

Говоря это, Нюся шлёпала большими и крепкими босыми ступнями по пыльному полу, всюду в пыли оставляя «пальчики». За шкафом, постанывая, скинула тесный китель, с наслаждением переоблачилась в старенький халат.

– Это мама меня приучила форму носить. И чтобы ромбик непременно привинчен, – сообщила из-за шкафа, – Ужасно она гордая была, что я на юриста выучилась. «А иначе, говорит, Нюська, как люди будут знать, что ты у меня следовательша? И экономия, говорит: зачем свою одежду трепать? А так, сносишь казённую – новую выдадут».

Действительно, в линялом халате Нюся никак не походила на следователя. В крайнем случае, тянула на банщицу или посудомойку.

С кухонного стола локтём сдвинула сковородку с чем-то скисшим утрешним, а может, вчерашним. Накрыла холостяцкий ужин: хлеб, колбасу, сыр. Щедро порезала всё крупными ломтями.

Поставила на электроплитку кастрюлю с водой, лаврушкой, перцем. Вынула из пустой морозилки пачку магазинных пельменей. Оттуда же на свет появилась запотевшая бутылка белянкой. Нюся с вызовом пристукнула ею по столешнице:

– Вы как хотите, а я пригублю. Не думайте, я не увлекаюсь. Просто устала за эту неделю как пёс. Начальство с утра на планёрке вздрючило: мол, с каждым делом копаюсь как неживая. План запарываю, весь отдел назад тяну.

Я бы тоже не отказалась, но – за рулём. А, лихо встряхнула мокрыми волосами: была не была, тоже расслаблюсь. Сама с Верочкой извелась за эту неделю. Врачи осторожный прогноз дают: на поправку идёт наша девочка. Можно и отметить, выпить за её здоровье.

Мужу позвоню – приедет, встретит – золотой человек. И хорошая, очищенная водочка мягко, за милую душу пошла, и колбаса такая оказалась сочная, душистая.

– Это хорошо, когда с супругом уважение и полное взаимопонимание, – важно кивнула Нюся. – Я вот всю жизнь ждала Любовь: чтобы с большой буквы. Чтобы сердце заходило, страсть бурлила, кипела и захлёстывала. И что? Прождала тридцать лет, живём с кошкой Сонькой старыми девами. Но она хоть стерилизованная.

– Любовь? – я рассмеялась, подцепляя разваренный пельмешек. – Заруби на носу, Нюсенька, Любовь с большой буквы семейной жизни только мешает. А уж если неземные шекспировские страсти – пиши пропало.

Любовь – это не счастье, Нюсенька, – а драма и трагедия в одном флаконе. Наваждение это, сумасшествие, от Дьявола. И в Писании сказано: горе тому, чрез кого любовь в этот мир приходит. Там про грех говорится, ну да один чёрт.

От такой любви нужно отрешиваться и бежать, сверкая пятками.

– Вас послушать, так вообще с мужчиной не сходиться?

– Почему. Самый устойчивый, прочный брак (я и Верочке постоянно говорю) – это мирное сосуществование. Симбиоз. Как у крапивы с малиной.

У меня, Нюсенька, с первым мужем гудела-пылала любовь: у-у! А прогорела, что осталось? Холодная горстка золы, чёрное пепелище и выжженная душа. И головёшки сердце насквозь прожгли. Двадцать лет как по краешку обрыва ходила. Спасибо, смертоубийства не случилось. Верочка-то у нас оттого и такая нервная. Не детство у неё выдалось, а сплошной ад!

Я засмотрелась в чёрное, плачущее от дождя окно. В нём как в кривом зеркале отражались искристая люстра, стол, парящая тарелка с пельменями, мы за столом.

– Неет, Нюсенька, семью нужно заводить с холодным умом и спящим сердцем. Мужа выбирать не торопись, обстоятельно, обдуманно, с расчётом: как бытовую технику. Вот ты утюг или стиральную машину с наскоку, с нахрапу схватишь? Ты же перед этим всю подноготную узнаешь: марку, производителя, гарантийный срок, дизайн. Сколько электричества потребляет. В интернете отзывы соберёшь.

– Что же вы, – уважительно интересуется Нюся, – второго мужа как холодильник или утюг выбрали?

– А вот слушай. Полубатонов – это фамилия такая у мужа – до пятидесяти лет, как красна девушка на выданье, в светёлке просидел. Представь себе, Нюсенька, сохранились ещё такие реликтовые экземпляры. Случайно о нём узнала, он с нашего предприятия.

Я в отделе кадров в личное дело глянула – холостой, анкета чистая. Женат не был, детей и прочих вредных привычек нет. Зарплата хорошая, инженерская. С приданым: машина, две квартиры. Задумалась: не порядок, пропадает ведь мужик. Стала перебирать в уме подходящие кандидатуры для знакомства.

Свести с одинокой родственницей? Так она по натуре одинокий волк, ни себе ни людям. Собака на сене. Другая родственница живёт далеко, свой дом, хозяйство. Привязана накрепко,

некогда ей ездить, сватовством-баловством заниматься. Третья – москвичка, у неё полно тараканов в голове. Да и какая дура променяет Москву на провинцию?

Сидела, раскидывала мозгами так и эдак: кто ещё на примете есть? Никого на примете нет, кроме себя любимой. Тяжело вздохнула: мне и отдуваться, деваться некуда.

Хотя да, пришлось через себя переступить. В первый раз увидела: вылитый Квазимодо. Урод, спина перекошена, сутулый до горбатости! Квазимодо хоть харизматичный был, про него роман написали. А этот... Тюфяк с пузеней на восемь месяцев.

И тогда я честно спросила:

– «Неужели мне с ним жить, перевозмогая себя, сжав зубы, с отвращением?»

– «А в нашем с тобой возрасте и положении, дорогуша, фыркать не стоит. Это ведь он почему в нетронутости, в первозданности сохранился? Думаешь, сидел: тебя, принцессу, ждал? Как бы не так. Просто окопался как крот, не дышал, затаился, ничем себя не проявлял. С испугом голову в плечи втянул и носа не высовывал.

Только потому его алчные охотницы не обнаружили, не вытащили, не прибрали к рукам и не окольцевали. Даже такого Квазимодо, да.

А русские народные поговорки и пословицы помнишь? С лица воды не пить. Не по хорошу мил – а по милу хорош. Не избевай постылого – избудешь милого».

– Это у вас, стало быть, такой диалог с подружкой происходит? Вы, значит, подружку спрашиваете, а она вам советует? – конкретизирует Нюся.

– Какая подружка!! Это я сама себя спрашиваю и сама себе отвечаю. Правило №2, Нюсенька: никаких подруг. Ликвидируй их безжалостно, как Людмила Прокофьевна из «Служебного романа». Потому, заруби на носу: какая бы лучшая подружка ни была, но что бы ты ей ни сказала – капнут. Знают двое – знает свинья.

Каждое твоё слово будет подхвачено, вывернуто наизнанку, поставлено с ног на голову, выполоскано, извращено и умножено на десять. По себе знаю – такая у нашей сестры проклятая, поперечная Евина, женская суть. Особо если дело касается конкуренции в мужском вопросе.

Вон, великий русский классик Толстой нас раскусил. С усмешкой, хитренько изрёк: «А я о женищинах всю правду перед смертью скажу. Скажу, прыгну в гроб и захлопнусь крышкой: достань меня тогда!»

Так что, милая Нюсенька, лучшая подружка – это кто? Это девичья поду-ушка! Эх ты, следовательно – кудрява головушка!

То ли пригорюнившейся Нюсе, то ли зеркально-чёрному, в потёках, окну рассказываю:

– Смех и грех, как вспомню первые-то дни знакомства. Он же до меня, бедный, на купленных пельменях жил (шпилька в адрес Нюси). Утром бухнет в кипяток пачку – наглотеется горячего сырого теста – и на работу. В обеденный перерыв пряников всухомятку погрызёт. Вечером опять пачку пельменей. Вот и нарастил пузо.

А я-то ему – пирожков с пылу-с жару. Весенней окрошки со сметанкой, с укропчиком, с хренком. Пирожков поел у меня, а окрошку ему с собой в трёхлитровую банку налила.

Так он потом рассказывал: не дотерпел до дома. Как вышел от меня, так сразу открыл крышку, втянул обалденный запах и... Всё стало вокруг голубым и зелёным.

Не обращая внимания на прохожих, начал пить ту окрошку прямо из горлышка. Пил жадно, всхлипывая, проливая мимо, капая на куртку, пил и не мог остановиться. Вытряс гущу под усы в широко разинутый рот, облился, пустую банку выбросил в урну.

А придя домой, мой Полубатонов сел и крепко задумался. От гастрономического восторга перешёл к холостяцким подозрениям и страхам. Друзья же предупреждали: «Будь бдителен, *эта* тебя, как рыбку, на крючок ловит». Испугался и... отключил телефон! На неделю.

Смех и грех, говорю! Но крошка и мясные пироги победили! Поговорку про сердце мужчины и путь к желудку ещё никто не отменял.

Мы с Нюсей уже уговорили полбутылки. Хозяйка пообещала, чтобы я не зажималась, у неё «ещё есть, первачок, конфискованный. Мягкий как постелюшка».

– Итак, мы с Полубатоновым поженились. То есть он сначала робко заговаривал, чтобы мы так просто жили, не расписываясь. Но я сразу строго заметила, что носить звание сожительницы мне статус не позволяет и всё такое. Только официально, со штампом! Хотя какой там статус: секретарша на предприятии, на носу пенсия.

Да... Вроде смотришь: торчит одинокий пень, как перст: всеми забытый, никому не нужный, трухлявый...

Шалишь! Попробуй его подцепи и скovyрни – и-и, батюшки! Кого только из-под него не посыплется. Всякая живность под тем старым пнём пригрелась. Жучки-паучки врассыпную бросятся, насекомые забегают. Целый муравейник я растревожила.

Был мой Полубатонов до нашей встречи удобен всем. Другьям – устраивать в его холостяцких берлогах мальчишники. Трахаться с любовницами. Скрываться от жён, если надерутся в зюю. Считаю, бесплатный притон посуточно, почасово.

Был удобен начальству: когда план горел, он беспрекословно работал сверхурочно, выходил в праздники и выходные. А тут я: как так, нарушение трудового договора, незаконная переработка.

А сколько начальнички – ключички-чайнички – его золотой головой задаром пользовались! Полубатонов новшество придумает, конвейер или станок усовершенствует – а фамилии его ни в заявке, ни в патенте не упомянуто. Глянь: в изобретателях – директор, в соавторах – заместитель и начальник цеха. Им и соответствующие преференции: почёт, награды, премии, зарубежные поездки.

А Полубатонов только смущённо улыбается: «А и шут с ними, – говорит. – Главное, чтобы идея пользу людям приносила».

Был муж удобен кузенам и кузинам: возить забесплатно в лес за грибами-ягодами. Речной рыбкой всю родню снабжал. Соседям вместо грузового такси работал: мебель на дачу увезти, с дачи – урожай привезти. Он у меня безотказный. Говорю же, золотой человек.

А больше всех был удобен родной младшей сестричке. Родители у них небедные были, все накопления с умом в недвижимость вкладывали. Перед тем как покинуть этот свет, разделили наследство по справедливости. Сыну две небольшие квартирки. А дочери большую пятикомнатную – и вклад на сберкнижке. Потому как дочь одна сына поднимает.

И вот сидел мой муж, щедро помогал деньгами сестричке. Тихо – мирно пас квартиры, которые должны были достаться, разумеется, сестре и любимому племяннику. А тут – здрасте, мордасти! – явилась чужая женщина, в виде законной супруги и возможной наследницы. То есть я.

Господи, что тут началось! Какие психические атаки пришлось выдержать бедняжке Полубатонову! Сначала разбушевавшаяся сестрица, моя золовушка, его грызом грызла по телефону, а потом нагрнула с сыном.

Молодой человек скромно переминался, краснел и урезонивал её – не в маму, видно, пошёл.

А она разыгрывала целый спектакль одного актёра: рыдала, корила брата, эффектно падала в обморок, вскидывалась бежать на реку топиться. Я благоразумно не вмешивалась: заперлась в спальне и берегла нервы.

– И что? – живо, нетерпеливо заёрзала Нюся. – Чем дело разрешилось?

– До сих пор в подвешенном состоянии. Золовка потребовала – и мы одну квартиру продали и ей половину вырученного отдали. На, подавись, только оставь нас в покое, не лезь.

Вроде, успокоилась...

Я полистала фотки в телефоне, чтобы показать Нюсе. Сохранились там несколько снимков с нашей с Полубатоновым свадебной вечеринки.

Тогда ещё была надежда, что наладятся родственные отношения. Позвали её чин чином, но золовка весь вечер дулась. Вон, даже на фото спиной красуется. Любуйтесь, мол, люди, моей тощей задницей. Ещё бы, с такой злобой высохнешь в щепку...

– Главное – погода в доме, – нравоучительно сказала Нюся. – Душа в душу с мужем живёте. Сами говорите: золотой человек.

– Ну, золотой не золотой. В каждом человеке, Нюсенька, есть плюсы и минусы. Вот первый муж: и алкоголик, и злыдень, и гуляка. Жили как кошка с собакой, шерсть клочьями.

Но в хорошие минуты называл нас с дочкой «мои маленькие девочки». Что-то вкусненькое, редкое: допустим, первая клубничка или первый огурчик, лучший кусок со стола – нам подвинет: «Ешьте сами, мне ни к чему». То есть мужицкий, мужской подход.

Полубатов – тот нет. Цопнет самый сладкий, жирный кусочек – и тащит в норку, чтобы съесть в одиночку. До старости большой ребёнок: седой и толстый. Я для него в роли мамки. Верочку любит, но иногда меня к ней ревнует.

Ну и не без холостяцких чудинок. Я уж говорила: никогда не выбросит листочка или клочка бумаги, если она хотя бы с одной стороны чистая. В банке прихватит талон, бумажный номерок, в магазине – кассовый чек. Аккуратно, любовно разглядит, свернёт и спрячет в борсетку.

Чтобы всё под рукой: записать или черкнуть – я уже говорила, он у меня рационализатор.

При этом автоматически помнит, где, когда, при каких обстоятельствах был прикарманен этот листок. Среди ночи разбуди – отбарабанит. Вот такой феномен. Или бзик? Но ведь безобидный, простибельный бзик.

– Молодец какой. Кабы все так – лесных угодий бы сколько сэкономили, – одобрила Нюся.

И вот сидим мы в очередной раз со следователем в её кабинетике и по-свойски, по-бабьи кумекаем. Кто мог незаметно проникнуть в Верочкину квартиру? У кого ещё могли быть ключи от квартиры?

У бывшей хозяйки квартиры? Хотя она при покупке передала нам брелок с тремя запасными ключами, но дубликатов-то могла хоть тыщу заказать.

Только зачем ей травить Верочку? Сделка была для неё выгодной, наоборот, она торопилась всё обделать. Бывало, приходим с Полубатоновым в многофункциональный центр – а она уже с талончиками подпрыгивает от нетерпения. Что ж вы копаетесь, говорит.

– Так, так, – встрепенулась Нюся. – Что же она так была заинтересована? Боялась, сделка сорвётся? Подводные камушки?

Я замялась... Был инцидент, к счастью, замятый мировым, полюбовным соглашением. При покупке мы второпях забыли заглянуть в расширенную архивную выписку из домовой книги.

А то бы всплыло, что среди некогда прописанных домочадцев имелось одно лицо. Уголовное малосимпатичное личико с наркотической зависимостью... Тридцатилетняя мадам, которая так редко покидала места не столь отдалённые, что квартиру успели приватизировать с нарушениями... То есть в её отсутствие и без её согласия.

По закону подлости, эта наркоша объявилась накануне сделки, в краткий промежуток между двумя ходками. Ну, мы срочно наскребли для потеряшки энную сумму, а хозяйка повела её к нотариусу.

Мадам хорошо раскумарилась, возлюбила весь белый свет и широкой рукой подписала отказ: мол, не претендует... Наутро её ломало, а она в отместку ломала нам дверь и орала, что продешевила, и что мы поплатимся...

– Ну что ж, – сказала Нюся через неделю. – Наша наркоманка у моего напарника сегодня раскололась. Всё подписала. Дескать, обида выиграла, что мало с нас взяла. На сколько же, мол, доз больше она могла вмазаться? И что ключи стырила, а ртуть достала у одного ширика. Оформили явку с повинной. У этого моего напарника стопроцентная раскрываемость...

– Что же вы, Нюсенька, – говорю, – не довольны, что дело передано в суд? Вы хорошо поработали, и у нас радость: Верочка поправилась.

А про себя сочувственно думаю: всё-таки не Нюсина эта работа – следователь. Не зря её на работе шпыняют за непрофессионализм. Тормоз, копуша она.

Ей бы консьержкой сидеть, носки вязать. Неделю с наркоманкой билась – нулевой результат. А к сменщику на одну ночь в руки мадам попала – сразу раскололась, как миленькая.

Нюся будто мои мысли услышала. На меня внимательно, своим фирменным тяжёлым взглядом посмотрела.

– Если бы *вы* моему сменщику на одну ночь в руки попали, – говорит, – то вы бы тоже, ой как во многом раскололись. Например, что в Битцевском лесу на пару с маньяком Пичушчкиным орудовали. Что вместе с полковником Захарченко миллиарды тырили и на шухере стояли. И, до кучи, убийство Кеннеди и потопление Атлантиды – тоже ваших рук дело.

Смерила меня оценивающим взглядом и поправилась:

– Не на ночь – нет. Вас бы и на полчаса хватило – жидковаты.

И продолжала тяжело, со скрипучими нотками артиста Ливанова:

– Что-то здесь не так с наркоманкой. Больно гладко всё получается, без шероховатостей. Я рта не успею открыть – со всем соглашается. Сначала написала, что три дня назад ртуть разлила. А она минимум две недели в квартире испарялась. Тут же с готовностью переписала. Что-то здесь не так.

Вот ещё, выискался Шерлок Холмс в юбке и с силиконовыми губами.

Нюся опросила соседей по лестничной клетке: не заметил ли кто чего необычного. Нашлась востроносенькая пенсионерка, которая со спицами в шейке бедра каталась в коляске по квартире. И дверной глазок для неё был окошком в крошечный живой мир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.